

ДУНАЙСКИЕ ВОЛНЫ

Капитан третьего ранга Алексей Захаров встретил май 1945 года в должности исполняющего обязанности начальника Особого отдела Дунайской флотилии.

До конца войны оставались считанные дни, а здесь, в районе Вены, она уже фактически завершилась. Но по-прежнему начальство грозно предупреждало, что Вена – все-таки немецкий город, что австрийцы – те же немцы, а их любовь к музыке Штрауса и Моцарта не в счет, и черт их знает, что они могут выкинуть... Многие фашисты тоже были заядлыми меломанами. Но, вопреки всем приказам и разносам, умиротворенное настроение все чаще овладевало военными людьми: и солдатами, и матросами, и офицерами, и, кажется, даже кое-кем повыше. Наверное, сказывалось все: и многолетняя усталость, и бесконечное нервное напряжение почти четырех лет, и невольная, сумасшедшая радость, что, кажется, пронесло... И в таком, неподконтрольном уставам и дисциплине, благодушном настроении Алексей вышел на палубу корабля, где размещался его отдел.

Стояла майская теплынь, но жара еще не чувствовалась. До полудня было далеко, и солнце еще не добралось до зенита, и к тому же ветерок приносил освежающую речную прохладу. А иногда он менял направление и дул с берега – тогда явственно ощущался ароматный запах кофе, который Вена умудрилась сохранить даже во время войны.

Время войны... До чего же оно было зловещим, это время! Хотя война, в общем-то, пощадила Алексея Захарова, оставив на память только несколько зарубок на теле, не вечно же он, боевой офицер, в Особом отделе служил. Наоборот, особистом, да и то временно, Алексей стал после ранения, полученного под завязку боев за Вену. Да, телу, можно сказать, повезло. А вот душе... Здесь все было сложнее. Потому что в душе жило такое, о чем нельзя было думать и невозможно забыть. Силой воли оно загонялось в дремучие глубины подсознания, где, притаившись, ждало своего часа. Этот час обычно приходил во сне, и Алексею снова и снова виделись огонь и кровь, слышались грохот разрывов и крики умирающих, и он страдал, вспоминая гибель боевых товарищей и кораблей... Но одно видение мучило его чаще других, и с этим ничего нельзя было поделать ...

... Дело было осенью 1941 года. Катер, на котором служил Алексей, получил задание: под защитой Красного Креста отбуксировать три баржи с больными, по большей части полностью или частично парализованными детьми, из Евпатории в Севастополь. Командир корабля, пожилой капитан-лейтенант, скептически пожал плечами: катер – маленький и слабосильный, и было неясно, как он справится с поставленной задачей. Но специального буксира под рукой не оказалось, а море штилевое, немцев не видно, выполняйте приказ, каплей, ничего, прорветесь, не в первый раз...

И действительно, когда на горизонте уже замаячили контуры Севастополя, подумали, что все обошлось, до порта полчаса ходу, не больше. И вдруг в небе появились три немецких самолета. Будто привлеченные белыми флагами с красными крестами, они сбросили бомбы и сразу же подожгли баржу, последнюю в караване. Взглянув на черное облако дыма, окутавшую ее, капитан-лейтенант, смертельно побледнев, приказал рубить буксировочный трос. Это бесчеловечное

решение было единственно возможным. Потому что лечь в дрейф и пытаться спасти погибающих в огне детей значило погубить катер и две другие, пока еще уцелевшие баржи. Да и была третья, пылающая, все равно обречена на гибель. А немецкие самолеты продолжали бомбежку, делая заход за заходом. И столбы воды взметались совсем рядом то с катером, то с невредимыми пока еще баржами. Рано или поздно кончилось бы это трагически, но внезапно из облаков вынырнул неизвестно как оказавшийся здесь краснозвездный истребитель, который вступил в безнадежный бой с тремя фашистскими машинами. Ему удалось подбить одну из них, но две другие занялись им вплотную. Через несколько минут советский самолет взорвался, летчик погиб, но время было выиграно, и, казалось бы, обреченный караван сумел приблизиться к севастопольскому берегу. А немцы, оказавшись в зоне огня береговых зенитных батарей, поспешили убраться прочь. Две уцелевшие баржи с детьми и катер были спасены.

А потом командир катера выдал команде весь запас спирта. И экипаж напился мертвецки, потому что иначе можно было сойти с ума. Назавтра капитан-лейтенанта вызвали к адмиралу. За коллективную пьянку в боевых условиях ее инициатору-командиру грозили трибуналом, разжалованием, штрафными ротами и другими суровыми карами. Но он не оправдывался, а молча смотрел такими остановившимися, мертвыми глазами, что командующий понял: для этого человека с пораженной смертельно и пожизненно совестью сейчас самым большим благодеянием был бы расстрел. А если здесь же, в кабинете, без суда и следствия, – так еще лучше. Потому что для него было бы страшнее самой лютой пытки вспоминать и рассказывать трибуналам о пережитом им кошмаре. Кончилось тем, что капитан-лейтенанта перевели на Северный флот, без понижения в звании и даже без выговора.

Но сейчас Захаров думал не об этом. Через несколько дней, ну пусть недель, закончится война, и его, кадрового морского офицера, раненого, награжденного, с безупречной репутацией, ожидало прекрасное будущее. Уже было твердо обещано производство в чин «кап-два» и направление в Военно-морскую академию. А потом... А потом и до адмиральских «беспросветных» погон недалеко! Ну размышлялся! И чего ему спешить? Двадцать восемь лет для таких перспектив – не возраст, время есть. Если честно, не будь войны, он бы до сих пор в старших лейтенантах трепыхался. Хотя, конечно, лучше бы ее, проклятой не было, сколько народу погибло, да и сам он чудом уцелел, как – непонятно. И сейчас хорошо, что после всего пережитого можно спокойно постоять у борта, наслаждаясь тишиной. Благо, выдалась спокойная минута, ими и особисты не богаты...

Например, всего час назад Алексей получил из штаба фронта пакет с секретным предписанием насчет режима мероприятий в случае неожиданной активности притаившихся местных фашистских организаций. Захаров был уверен, что это – никому не нужная перестраховка: австрийцы ненавидели нацистов, они не простили немцам аншлюса, а во время войны натерпелись от них немало горя и теперь всеми силами стремились вытравить все, что связано с Германией. Однако спорить не приходилось, начальству видней. И Захаров расписался в получении пакета, зарегистрировал его в специальном журнале и положил в сейф, который тщательно опечатал. И пошел на палубу, держа в руках тяжелый ключ с хитрой бородкой. Здесь Алексей зачем-то надел колечко ключа на указательный палец и начал вращать его, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Это занятие бесконечно веселило будущего адмирала Захарова.

И вдруг... Этот миг он вспоминал всю жизнь, как тот самый рейд из Евпатории в Севастополь или бой на Балтике, когда немцы потопили его миноносец, и Алексей и еще несколько человек барахтались в ледяной воде, а мессершмиты рубили из пулеметов по головам тонущих людей, и было похоже, что все, конец. А вокруг на волнах покачивались бескозырки, бескозырки... И, намкнув, тонули, тонули...

И вдруг – ключ сорвался с пальца, перелетел за борт и бесследно исчез в мутной дунайской волне.

Алексей помертвел. Вместе с ключом кануло на дно его будущее. Но почему? Подумаешь, ключ от сейфа утонул... У коменданта штаба флотилии имелись дубликаты всех ключей. Но случившееся станет известным командованию: комендант этот Алексея терпеть не мог, неизвестно за что. И рапорт подаст обязательно. И пойдет писать губерния! В Захарова вцепятся следователи из фронтовой прокуратуры и пронеры из Смерша, и поди докажи, что ключ утонул, а не потерян или, тем более, не передан в чужие руки, и что секретный план никому не нужных мероприятий не читался врагом. Ведь война еще не закончена, действуют беспощадные законы военного времени, и пустяковый проступок Алексея может расцениваться как угодно, вплоть до... Как обидно, до чего нелепо, особенно сейчас, когда все беды, казалось, остались позади. И теперь все надежды намертво перечеркнуты дурацкой мальчишеской выходкой капитана третьего ранга! Поиграться ему, видите ли, захотелось, расслабиться... Вот и расслабился... Ну хоть бы кто-нибудь стоял рядом и мог подтвердить: да, вертел он ключ на пальце, как последний придурок, а ключ соскользнул – и в Дунай, и с концами. Может, и обошлось бы, выругали бы, конечно, или наказали и простили. Так ведь ни одного свидетеля, как на грех, не было, и значит, некому подтвердить смехотворные показания капитана третьего ранга Захарова, и, стало быть, прощения ему не будет. И не будет нового звания и направления в Академию, и не будет адмиральских звезд в недалеком будущем. А будет арест, сорванные погоны и орденские ленточки, а потом нудное расследование, трибунал и приговор, еще неизвестно какой.

Алексей, конечно, подаст рапорт по команде, все равно скрыть не удастся, и не в его натуре хитрить и изворачиваться, а поэтому будь что будет. Но только не сегодня, на это нет ни сил, ни решительности, пусть хоть завтра.

Захаров спустился на берег и, почти не разбирая дороги, поплелся к маленькому уютному домику, где остановился на постой. Его хозяином был старый венец, отставной альтист местного симфонического оркестра. Он был в плену во время Первой мировой войны и немного помнил русский язык. Захаров тоже знал сотню-другую немецких слов, так что австрийский музыкант и советский офицер научились неплохо понимать друг друга, и порой они засиживались за разговорами или игрой в шахматы до поздней ночи. А иногда старик играл Алексею то печальную, то гневную, то радостную или веселую музыку, смотря по настроению. Нередко у них возникали споры, уж очень разными людьми они были, представители победившей и побежденной страны, и все же хозяин и его постоялец чувствовали доверие друг к другу. И альтист Петер Краузе совсем не боялся «русского майора» и не прятал от него ни бесценный инструмент работы старинных кремонских мастеров, ни фамильное серебро, чудом уцелевшее во время войны, ни своих красивых внучек... А Захаров помогал семье своего хозяина чем мог, в основном, продуктами.

... Подходя к дому он услышал какую-то величественную мелодию, но в эти минуты ему было не до музыки. Нервы выходили из-под контроля, и Алексей готов был заплакать от сознания нелепости и непоправимости происшедшего. Ладно, сейчас он выпьет стакан водки, а может, для верности два, бухнется в постель и забудется до утра, пропади оно все пропадом!

Петер Краузе, взглянув на своего постояльца, всполошился:

– Что случилось, герр майор? Вы заболели? На вас отсутствует лицо...

Неизвестно почему, Алексей рассказал старику о случившемся. Это, конечно, тоже было нарушением, но одним больше, одним меньше, какая разница... Сейчас уже никакой. Помолчав, музыкант спросил:

– И что теперь будет? Вас ожидают неприятности?

– Что будет? Ничего хорошего. Трибунал будет. Расстрелять, думаю, не расстреляют, а лет десять-пятнадцать, наверное, получу.

– Это значит – в Сибирь?

– Да, скорее всего...

– Что ж, я провел в Сибири почти два года. Там тоже люди живут.

Наступило молчание. Краузе курил кривую трубку с обгрызенным за долгие годы мундштуком и тяжело вздыхал. Казалось, он никак не мог решить какую-то тяжелейшую задачу. На его лысом черепе вздувались и опалили толстые вены, будто в них вместе с кровью пульсировали какие-то мучительные мысли. Несколько раз он порывался что-то сказать Алексею, но обрывал себя и вновь вздыхал, и курил, и думал... Иногда он вскидывал руки, словно пытаясь привлечь к себе внимание, и тут же бессильно ронял их на дубовую столешницу. Наконец, он вздохнул особенно глубоко и, окончательно приняв какое-то решение, спросил:

– Герр майор, вы никому не говорили о вашей беде?

– Нет. Никому. Завтра скажу. У нас говорят: утро вечера мудренее.

– Герр майор, – продолжал Краузе, – я знаю, вы, русские, не верите в Бога, хотя Он почему-то всегда помогает вам. Но если даже у Бога есть свои пристрастия, то что говорить о старом Краузе... Так вот, поклянитесь мне спасением души и ранами Христовыми, что никогда и никому не проговоритесь, и я попробую помочь вам.

– Чем вы можете мне помочь? Учтите, дезертировать я не собираюсь. И стреляться тоже.

– Нет, нет. Я знаю: вы – честный офицер.

– Ну ладно. Клянусь.

– Я вам верю. Посидите в доме и ожидайте меня. Я скоро вернусь.

Захаров сидел и ждал неизвестно чего, находясь в состоянии полного оцепенения, сквозь которое иногда прорывались отрывочные мысли: эх, не стоило тянуть до завтра, лучше было бы сразу пойти и доложить... Хотя бы уже знал, что его ждет. Но он и так знал, и, выходит, нечего спешить. От судьбы не уйдешь, от ареста тоже, так лучше еще один день провести на воле. А пока нужно дожидаться хозяина, раз уж обещал...

Наконец Петер Краузе вернулся в сопровождении какого-то невзрачного старика, похоже, своего сверстника, а может, и постарше.

– Макс, – торжественно обратился к нему музыкант, – это русский офицер, о котором я тебе говорил. Он достойный человек, а если не верит в Бога, то скоро, думаю, начнет. Ему нужно помочь.

Макс посмотрел на Алексея пронзительным взглядом маленьких мышиных глаз и тихо произнес:

– Рекомендация маэстро Краузе стоит дорого. Пойдемте, герр майор. Время не ждет.

Вскоре Алексей и этот странный Макс были на корабле. Вахтенный офицер удивился:

– Кто это с вами, товарищ капитан третьего ранга?

– Это? Часовых дел мастер. Пол-Вены обежал, пока нашел. У меня в служебной каюте часы испортились. А они старинные, жалко...

Вахтенный пожал плечами. Посещение постороннего не укладывалось в распорядок боевого корабля, но спорить с офицером из Особого отдела и тем более заглядывать в его служебную каюту не приходилось: это их забота – следить за режимом, а лезть в чужие дела – себе дороже.

Очутившись в каюте, где стоял злополучный сейф, Макс попросил:

– Закройте дверь на ключ.

После этого он начал осматривать сейф, как ветеринар больную лошадь. И что-то бормотал себе под нос, недовольно фыркая и пожимая плечами. Затем Макс вынул из коробочки шесть обыкновенных спичек и тихо, но властно сказал:

– Пожалуйста, герр майор, отвернитесь. Моя работа не терпит посторонних глаз.

Алексей послушно отвернулся, думая, что попал, кажется, из огня да в полымя. Ему было понятно, что он опрометчиво связался с матерым преступником и превратился из легкомысленного разгильдяя в соучастника настоящего преступления: взлома сейфа, где находятся секретные материалы! И что у него нет иного выхода, поскольку это преступление – последний шанс спасти свою честь и жизнь. И этот невзрачный медвежатник Макс – его единственный спаситель. Сам черт не смог бы выдумать такое! И что если их кто-нибудь застукает сейчас, то расстрела обоим не избежать – как совершающим групповое преступление... И что...

Додумать он не успел, потому что раздался странный щелчок, и Макс сказал:

– Можете повернуться, герр майор. Суп сварен. Не понимаю, как вы с такими сейфами выиграли войну...

Захаров обернулся и не поверил своим глазам и своему счастью. Сейф был широко раскрыт, и на его верхней полке одиноко лежал засургученный секретный пакет. А Макс аккуратно укладывал в коробочку дефицитные спички. Он казался разочарованным: из-за такой чепухи столько шума... Он-то ожидал увидеть в сейфе что-нибудь ценное. А впрочем, кто поймет этих русских...

Алексей мгновенно переложил все содержимое в запасной сейф, тщательно закрыл его и опечатал, а ключ спрятал во внутренний карман кителя и, не доверяя пуговице, застегнул его еще и английской булавкой. Макс наблюдал за действиями молодого офицера и одобрительно кивал головой, как бы говоря про себя: «Правильно, правильно, герр майор. Если эти бумажки представляют для вас такую ценность, то берегите их как следует. А на мою помощь больше не рассчитывайте». А вслух сказал:

– Наверное, маэстро Краузе прав: Бог всегда на вашей стороне, хотел бы я знать, почему... Может быть, Ему безбожники больше нравятся: они, по крайней мере, не лицемерят...

Вскоре они спустились на берег. Макс тащил мешок с консервами и шнапсом, соскочившись от тяжести.

– Давайте я помогу вам, – предложил Алексей. На радостях он был готов тащить не только мешок, но и нести на руках своего щедедушного благодетеля-рецидивиста.

– Ах, что вы... Мне не хватало только огласки, что русский офицер работал носильщиком у старого Макса. Прощайте, герр майор, и забудьте обо мне навсегда.

Алексей Захаров вернулся на корабль. По-прежнему светило яркое, но уже по-летнему жаркое солнце. И по-прежнему ветерок приносил то речную прохладу и свежесть, то сложные городские запахи. Величественно устремлял свои воды прозванный голубым Дунай. Та самая огромная река, которая еще недавно казалась роковой, похоронившей на своем илистом дне все надежды Алексея. А сейчас Дунай олицетворял покой и уверенность, что теперь уж точно все будет хорошо.

Безоблачное небо, которое, казалось, не знало, что такое воздушные бои и разрывы зенитных снарядов, безмятежно отражалось в воде. Солнечные зайчики скользили по волнам, то сходились, то расходились, образуя сложный и подвижный калейдоскопический узор.

И вдруг Алексей подумал, что, может быть, действительно есть Бог, а если не Бог, так судьба или еще что-то неведомое, подвергшее его жестокому испытанию, а потом пришедшее на помощь. «Страшен сон, да милостив Бог!» – любила говорить его бабушка. А впрочем, после такой передрыги можно было во что угодно поверить. И значит, нужно забыть о случившемся сегодня, как о многих военных кошмарах, а то и до мира не доживешь. Забыть, забыть, забыть, навсегда вычеркнуть из памяти.

Если, конечно, получится...